

Андрей Лазарчук

Колония

Пролог

База ВМС Сноубридж, Аляска, 3 февраля 1995 года

— ...борт 647, я «Шерман», посадку запрещаю! Повторяю: посадку запрещаю!

— Я борт 647, освободите полосу! Освободите немедленно! На борту умирающий...

— Видимость ноль. Видимость ноль. Понимаете, видимость ноль! Снежный заряд!

— Вас понял, «Шерман». Освободите мне полосу и смените памперс. Буду садиться по приборам. Дайте ветер.

— Шесть узлов, направление юго-юго-восток.

— Понял, «Шерман». «Скорая» ждет?

— «Скорая» на подходе. Снег, 647-й. Они пробиваются. Что там у вас за умирающий?

— Расслабься, «Шерман». Меньше знаешь — крепче спишь. Как там наш пеленг, не ушли?

— Два градуса к западу. Удаление — четыре мили.

— Понял, «Шерман». Как только услышите наши винты, свистните.

— Вас сваливает к западу. Отклонение уже

шесть градусов.

— Понял...

— Удаление три мили. Четыре градуса...

— Твою мать!..

— Тебя не вижу, 647-й!

— Здесь, «Шерман»! Я здесь. Нисходящий поток, чтоб ему пьяными ежиками отрыгивалось...

Высота двадцать пять футов. Набираю...

— Ты появился опять. Слава Всевышнему.

Удаление две сто, пеленг ноль. Так держать, парень.

— Есть так держать, капитан, сэр!

— Вольно на борту. Оправиться.

— Поздно, капитан, сэр, поздно... На базе свежие памперсы есть?

— Для вас свои поснимаем, 647-й. Удаление одна миля, отклонение одиннадцать к востоку.

— Понял, «Шерман». Пардон, перерулил...

— «Скорая» на территории аэропорта.

— Передайте им, что мы везем тяжелое переохлаждение. Без сознания, пульс девяносто, давление восемьдесят на шестьдесят пять, температура девяносто шесть.

— Полмили, 647-й. Кажется, слышу вас. Да, слышу! Повторяю: удаление полмили, высота четыреста футов, отклонение шестнадцать градусов к востоку. Полоса свободна. Включаю приводные огни.

- Вижу свет, «Шерман». Там больше никаких прожекторов быть не может?
- Только на полосе, 647-й.
- Иду на свет...
- Слышу тебя, 647-й. Удаление ноль, высота триста футов. Ветер четыре узла, переменный от юго-юго-восток до восток.
- Понял, «Шерман». Снижаюсь до ста.
- Полосу видишь, 647-й?
- Ни хрена! Сажусь как в пламя! Ты постарался с подсветкой, «Шерман», спасибо! Высота двести... сто пятьдесят... сто...
- Вижу тебя. Высота сто. Ветер девять узлов, восток.
- Понял, «Шерман». Ну, лови меня... Пятьдесят... десять... касание!
- Есть посадка!
- Давай сюда «Скорую»!
- Пошла уже, родимая...
- Ага, вижу!
- Что у вас?!
- Переохлаждение! Без сознания, пульс восемьдесят шесть, давление семьдесят на сорок пять, температура девяносто шесть.
- Взяли! На счет три! Есть!
- Довезите его, понятно! Не за тем мы тут шею подставляли...

— Пульс восемьдесят, давление семьдесят на сорок пять.

— Две единицы противошоковой смеси, коргликон один, адреналин один.

— Отчаянные эти ребята из береговой охраны...

— Да, тут по дороге — не знаешь как доедешь... Алло, приемный? Везем тяжелое общее охлаждение, готовьте горячее промывание желудка и горячую ванну...

— Не приходил в себя?

— Нет.

— На счет три: раз, два...

— Опа!

— Тяжелый...

— Ректальная температура девяносто два градуса, пульс нитевидный, семьдесят шесть, давление пятьдесят на сорок пять....

— Взять общий крови, биохимию, гематокрит...

— Пульс пропадает! Нет пульса!

— Стимулятор! Сто пятьдесят... руки убрали!

Разряд!

— Нет пульса!

— Двести... Разряд!

— Нет пульса!

— Готовить набор для торакотомии, кровь первая отрицательная — три единицы... Двести пятьдесят! Разряд!

— Есть систолы... Запустилось. Так... девяносто, давление пятьдесят пять на сорок пять...

— Гематокрит семьдесят, док!

— Переделайте, не бывает. Он замерз, а не высох! Ванна готова?

— Да, доктор.

— Повезли! И горячий раствор для промывания желудка...

— Понял. Может быть, и внутривенно?..

— Сердце не справится.

— Гематокрит шестьдесят восемь. Это не ошибка!

— Ничего не понимаю... В ванну — на счет три!

— Раз... два...

— Черт!

— Осторожнее...

— Кажется, он открывал глаза.

— Рефлекс Патиссона. Стволовой, кора отключена...

— Понял.

— Давление падает.

— Так и должно: расширение периферии...

— Давление пятьдесят на тридцать. Пульс сто, трепетание предсердий...

— Еще коргликон... Что там за шум?

— Мэм, вам сюда нельзя!..

— Специальный агент ФБР Скалли! А там — мой напарник!..

— Мэм...

— Пропустите меня! Немедленно! Доктор!..

— Что? В чем дело?

— Выньте его из ванны! Тепло ему сейчас смертельно опасно!

— Послушайте...

— Я знаю, о чем говорю! Я врач! Я отвечаю за свои слова! Его сейчас спасет только холод!

— У него и так переохлаждение...

— Он должен находиться в таком состоянии по крайней мере неделю. Только тогда у него появятся шансы на спасение. Какой гематокрит?

— Около семидесяти...

— Да вытаскивайте же его из этой чертовой ванны, док! Мы сейчас потеряем его! Лед, обложите его льдом! Нужно опустить температуру тела...

— Объясните...

— Некогда! Это поражение редким ретровирусом, и только такой способ наших действий инактивирует его.

— Я не встречался ни с чем подобным, и даже...

— Я встречалась. Не далее как вчера. Доктор,

умоляю: сделайте, как я говорю. Только так мы сумеем спасти этого человека. Понимаете?

— Остановка сердца!!!

— Вынимайте! На стол!..

— На счет три...

— Двести... Руки убрать! Разряд!

— Есть пульс!

— Физраствор — две единицы, кровь — одна, эпинефрил... Дженни, распорядитесь быстро насчет льда...

— Спасибо, доктор.

— Это безумие, безумие — то, что я делаю...

Море Бофорта, северный полярный круг. Исследовательский бот «Альта». Двумя неделями ранее

У старшего матроса Дина Поллака выдался нелегкий день: сквозняки и ручные лебедки доканали его поясницу, и к вечеру он просто не мог распрямиться. Выданные фельдшером капсулы с какой-то дрянью не помогли, а только растравили жестокую изжогу. Наконец боцман Бутсман обратил внимание на страдания подчиненного, в приказном порядке разложил его на полу, прошелся по спине босыми ногами (Дин орал, но никто не бросился на помощь) — а потом помог опоясаться

каким-то специальным поясом из собачьего меха. Некоторое время после экзекуции Дин был ни жив ни мертв, но некоторое время спустя стал приходить в себя — как бы в новом не очень знакомом теле. Оно не так чувствовало себя и не так совершало движения...

В теплой куртке-аляске поверх теплого свитера Дин выбрался на палубу и встал у леера. «Альта» шла самым малым ходом, волоча за собой на длинных фалах две гирлянды сонаров. Небо на юге было светло-зеленым, прозрачным, с тончайшим однодневным полумесяцем над самой кромкой горизонта; и бархатно-черным, усеянным крупными звездами — на севере. Поверхность океана чуть дышала, прикрытая струями и спиральями морозного тумана. Здесь, вблизи кромки ледяных полей, обычного дыхания океана не было, и черная застывшая вода, казалось, в любой миг могла обратиться в толстое небьющееся стекло...

Когда-то Дин нанимался на «Альту» на один рейс: чуть подзаработать денег. Но вот... привязался. Уже четвертый год он выходил в плаванье сюда, в полярные воды, к самой кромке арктических льдов — следить за какими-то океаническими процессами, за зарождениями течений и ветров... и за русскими, китайскими, английскими, французскими подводными лодками, наверное; так он, во всяком случае, предполагал,

слушая изредка разговоры инженеров и ученых. Его этот аспект не интересовал; он работал за право иногда вот так встать у леера и смотреть, смотреть, смотреть на бескрайний океан, на льдины, айсберги, заторошенные края ледяных полей у горизонта...

Картины, которые он писал, возвратившись, пока еще никто не покупал. Но он знал, что славы ему не миновать.

Дин поймал себя на том, что уже минут десять смотрит на яркую звезду, ведущую себя неправильно. Во-первых, в том месте вообще не могло быть никакой звезды. Во-вторых, десять минут назад ее не было. Наконец, она двигалась...

Она двигалась: сначала едва заметно, потом чуть быстрее. Потом — очень быстро. Стремительно. Как солнечный зайчик: ярко и невесомо. И вновь — застыла.

Теперь Дин ясно видел, что это плоский светящийся конус. От него вниз и немного в сторону исходил узкий молочно-белый луч. Луч шарил по морю, и оно ярко вспыхивало...

На крыле мостика, прямо над головой Дина, слышались шаги. Он узнал походку капитана.

— Сэр, можно вас на минутку?

— Поллак? Что у тебя?

— Прямо по носу... видите, сэр?

— Ничего... а, в небе, что ли? Вижу.

— Я наблюдаю за этой штукой минут двадцать. По-моему, это НЛО.

— Иди ты, Дин. НЛО не бывает. Это какой-нибудь долбаный вертолет.

— Оно летает не как вертолет, сэр...

И, словно в подтверждение его слов, светящийся конус резко сорвался с места и по широкой кривой понесся, заметно снижаясь, прямо на судно. Кто-то вскрикнул. С негромким, но очень неприятным (расческой по стеклу!) звуком он пронесся над самыми мачтами и стал удаляться, все так же теряя высоту...

— Он сейчас врежется в воду! — громыхнул капитан.

И точно: через несколько секунд странный предмет коснулся волн, погас — и тут же на том месте вспух и медленно померк огненный шар. Через десять секунд докатилась взрывная волна, а за нею — плотный звук взрыва.

— Отцепить фалы, — скомандовал капитан. — Приборы оставить на буюх. Лево на борт!.. Полный вперед!

Семейная и женская клиника, Трентон, штат Пенсильвания

Доктор Дэвид Принс, заведующий отделением патологии, с самого утра испытывал какую-то

непонятную тревогу. Хотелось сбежать от всех, забиться в какую-то дыру и там переждать... что? Угрозу? Или просто плохую погоду?

Плохую погоду он отмел: небо было безоблачным, стрелки барометров прочно держались на «ясно». Именно скачки атмосферного давления были для Принса источником постоянного беспокойства, поэтому он буквально обвешивал себя барометрами: только в доме их было семь штук...

Значит — что?

Неясно...

Охваченный этой тревогой, как холодным огнем, он тем не менее делал свою повседневную работу, точный и безошибочный, как хорошо отлаженный автомат: три часа амбулаторных осмотров, шесть ранних микроаборт, четыре хирургических, потом консилиум, несколько консультаций в других отделениях... К вечеру нормальная рабочая усталость задвинула куда-то на задний план эту беспредметную тревогу — задвинула, но не погасила полностью, на что доктор втайне рассчитывал.

В хирургическом отделении, записав в медкарты свои рекомендации, он заглянул к комнату отдыха персонала: хирургия традиционно славилась отличным кофе. У них был не термос, а стационарная итальянская кофеварка. Нацедив себе

полный пластиковый стакан черного, с густой коричневатой пенкой, ароматного напитка, он прислонился к стене и стал рассеянно смотреть окончание выпуска новостей Си-Эн-Эн.

— ... катастрофа неизвестного летательного аппарата за полярным кругом. Моряки исследовательского судна в течение нескольких десятков минут наблюдали за маневрами странного летательного аппарата, который вдруг рухнул в ледяную воду в нескольких милях от судна. По истечении десяти часов поисков из воды был извлечен пилот аппарата, чудом оставшийся в живых в ледяной воде. Было высказано предположение, что это русский пилот сверхсекретного экспериментального истребителя, известного в НАТО как «черный треугольник». Специальным рейсом пилот был доставлен в госпиталь военно-воздушной базы Линкс, где пришел в сознание и исчез, хотя охрана...

На экране появилось крупным планом лицо: грубые черты, холодные светло-серые глаза, выступающие скулы и надбровные дуги, тонкие бескровные губы. Запоминающееся лицо...

Никто не смотрел в этот момент на Принса — а иначе увидел бы, как тот до синевы побледнел, поставил мимо стола стаканчик с остатками кофе и быстрыми шагами направился к выходу.

И встретился в пустом коридоре с одетым в

черную кожаную куртку высоким человеком с грубым лицом, холодными светло-серыми глазами и тонкими бескровными губами.

Бежать было некуда...

А главное — абсолютно бесполезно.

«Пилот» схватил Принса за горло и втащил в какую-то кладовую, полную ящиков, больших жестяных банок и бидонов, баллонов с газом.

— Где он?!

— Я... я не знаю!

«Пилот» брезгливо хватил Принса о стену; тот сполз на пол, в отчаянии попытался отползти, хватаясь за что-то...

В руке «пилота» появился тонкий стилет с выкидным клинком.

Принс закричал; вернее, ему казалось, что он кричит. Он побежал; на самом деле он елозил по полу, как полураздавленный краб... «Пилот» ударил его коленом между лопаток, прижал к полу и, удерживая голову, медленно вонзил клинок в шею, под затылочную ямку...

Принс тонко взвизгнул, дернулся всем телом и обмяк — словно из его тела разом пропали все кости. Убийца некоторое время держал стилет в ране, потом коротким движением выдернул клинок.

Из раны, пузырясь, пошла густая зеленая пена...

Он осмотрелся. Подошел к штабелю ящиков,